DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-154-160

УДК 82+821.161.1

ББК 83+83.3(2=411.2)

М.М. Алексеева

**Неоднозначный мотив смеха
в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»**

М.М. Alekseeva

**The Ambiguous Motive of Laughter in Dostoevsky's Novel
“The Idiot”**

Об авторе: Мария Михайловна Алексеева, учащаяся МАОУ СОШ г. Холма, Новгородской обл.

E-mail: mashadoctorwho@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется неоднозначный мотив смеха (или его видов) и роль смеха героев в произведении. Речь идет об особенностях смеха героев, о комичных моментах произведения и о том, какое значение придает смеху автор.

Ключевые слова: Достоевский, смех, мотив, крик, хохот, Настасья Филипповна, Рогожин, Мышкин, комичные моменты

Для цитирования: Алексеева М.А. Неоднозначный мотив смеха в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. 2018. No 4. С. 154-160. DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-154-160

About the author: Maria M. Alekseeva, student, Novgorod region, Kholm.

E-mail: mashadoctorwho@yandex.ru

Abstract: The article examines the ambiguous motive of laughter (or his species) and the role of the laughter of different characters in the novel. Here are analyzed the peculiarities of the heroes' laughter, the comical episodes of the novel and the meaning the author gives to laughter.

Keywords: Dostoevsky, laughter, motive, cry, Nastasya Filippovna, Rogozhin, Myshkin, comical moments

For citation: Alekseeva M.A. The Ambiguous Motive of Laughter in the Novel “The Idiot” by F.M. Dostoyevsky // Dostoevsky and World Culture. 2018. No 4. Pp. 154-160. DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-154-160

В романе Федора Михайловича Достоевского «Идиот», конечно, не в самую первую очередь, но обращает на себя внимание обильное количество смеха героев произведения. В общем, смех упоминается более 300 раз. Но притом роман далеко не комедийный, а скорее трагический. Можно предположить, что может быть смех обычным смехом и не является? Зачастую мы видим, что герои произведения смеются, сами не понимая чему: Рогожин – «Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен: иной раз слушал, и не слушал, глядел и не глядел, смеялся и подчас сам не знал и не понимал, чему смеялся» [Достоевский 1972–1990: VIII, 8], Фердыщенко – «Один Фердыщенко состоял из всех гостей в развеселом и праздничном расположении духа и громко хохотал иногда неизвестно чему» [Достоевский 1972–1990: VIII, 116], Аглая – «...Аглая ужасно расхохоталась – неизвестно чему» [Достоевский 1972–1990: VIII, 157], князь Мышкин – «Слушай Парфен, я вот сейчас пред тобой здесь ходил и вдруг стал смеяться, чему не знаю» [Достоевский 1972–1990: VIII, 304].

В романе Ф.М. Достоевского «Подросток» один из героев произведения говорит: «Смехом иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете его подноготную. Даже бесспорно умный смех бывает иногда отвратителен <...> Иной характер долго не раскусите, а рассмеется человек как-нибудь очень искренно, и весь характер его вдруг окажется как на ладони <...> Итак, если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а вы смотрите его лучше, когда он смеется» [Достоевский 1972–1990: XIII, 285]. Так что, следуя совету Федора Михайловича Достоевского, рассмотрим смех важных героев произведения и не только.

Смех в жизни человека (в зависимости от ситуации) может быть истеричным или дружелюбным, сумасшедшим или веселым. Преподобный Ефрем Сирин, молитвами которого вдохновлялся Достоевский, писал: «Смех лишает человека блаженства, обещанного плачущим...»; имеется ввиду Евангелие от Луки: «...Блаженны плачущие ныне, ибо восмеетесь (Лк. 6, 21)». Но все же смех также является и просто частью человеческой природы. И, например, дружеский и детский смех как грех вряд ли будет подразумеваться. Про греховный смех Иоанн Златоуст писал: «Не смех – зло, но зло то, когда он бывает без меры, когда он неуместен. Способность смеха внедрена в нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегчение, а не для того, чтобы ослаблялась» (т. 12, ч. 1, беседа 15). И в большинстве случаев смех главных персонажей произведения именно такой – неуместный и не знающий меры.

В первую очередь на себя обращает внимание незабываемый смех Настасьи Филипповны. Он и истеричный, и припадочный, и беспредметный,

и странный. Одним словом «колоритная женщина», как заметил Тоцкий. Но чувствуется, что смех пропитан болью и страданиями. Даже можно сравнить её смех с плачем и вспомнить её слова к князю Мышкину: «Да что ты плачешь-то? Горько, что ли? А ты смейся, по-моему, – продолжала Настасья Филипповна...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 144]. То есть Настасья Филипповна носит маску, она скрывает свою боль за истеричным и припадочным смехом, хотя в её случае, по-другому поступить и нельзя. В Книге Притчей Соломоновых говорится: «И при смехе *иногда* болит сердце, и концом радости бывает печаль» (Притч. 14, 13). И ведь князь Мышкин постоянно повторял, что Настасья Филипповна: «Ведь она...такая несчастная» [Достоевский 1972–1990: VIII, 475] и «...она ведь ужасно страдала...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 31].

Зачастую смех Настасьи Филипповны проявляется в виде хохота, а эти вещи, как мне кажется, совершенно разные. Хохот в прямом значении обозначает просто громкий смех, но существует и переносное значение. Хохот в литературе может использоваться как обозначение крика птиц или животных. В романе даже можно проследить оба эти слова, написанных вместе и как бы слитых во едино. Эти слова можно услышать об обществе: «Одни пили, другие кричали и хохотали...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 143] и о Настасье Филипповне: «...она глядела на Ганю, смеялась и кричала ему...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 88]. И можно лишь предположить, что так называемого «смеха сквозь слезы» для её описания просто недостаточно, и писатель ввел в её образ этот истеричный хохот, как показатель того, что внутри у неё не просто эти слезы, а самый настоящий крик души. Такой крик души, как крик перед падучей у Мышкина: «Аглая <...> услышала дикий крик “духа сотрясшего и повергшего” несчастного. Больной лежал на ковре» [Достоевский 1972–1990: VIII, 459] или крик перед казнью: «Видит, что он ее за шею под нож нагибает и пинками подталкивает, – те-то смеются, – и стала кричать: <...> “Минуточку одну еще повремените, господин буро, всего одну!”» [Достоевский 1972–1990: VIII, 164].

Так же обращает на себя внимание и смех Рогожина, его хохотом начинается роман, и, что интересно, им же и заканчивается. Один и другой хохот совершенно непохожи, и если вначале Рогожин просто: «...присвистнул и захохотал» [Достоевский 1972–1990: VIII, 6] на ответ Мышкина про то, что он из Швейцарии, то в конце он уже: «вдруг... громко и отрывисто закричал и захохотал» [Достоевский 1972–1990: VIII, 506], по известным нам причинам. «Хорошо смеется тот, кто смеется последний» – слова Гани, произнесенные в романе, можно было бы воспринять буквально, но последний смех Рогожина, конечно же, не «хороший». Возможно, Ф.М. До-

достоевский хотел таким образом подчеркнуть это внутреннее изменение Рогожина в романе.

В общем, смех Рогожина довольно «красочен». Это и выражение злости: «И Рогожин вдруг засмеялся, в этот раз какую-то откровенную злобой и точно обрадовавшись, что удалось хоть чем-нибудь ее выразить» [Достоевский 1972–1990: VIII, 172], и такой же кричащий хохот как у Настасьи Филипповны: «...вдруг Рогожин громко и отрывисто закричал и захохотал...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 506], но его хохот намного тяжелее, и участь его более мучительна. Тут можно вспомнить слова князя Мышкина: «Тебе тоже погибель...может быть, еще пуще, чем ей» [Достоевский 1972–1990: VIII, 173]. То есть, смех Рогожина зачастую и злой, но не менее страдальческий, чем у Настасьи Филипповны.

Таким же образом, когда мы вспоминаем припадочный хохот Рогожина после рассказа князя Мышкина о том, как один крестьянин зарезал своего приятеля ради часов («Рогожин покатился со смеху. Он хохотал так, как будто был в каком-то припадке» [Достоевский 1972–1990: VIII, 183]), вспоминается не менее похожий смех одного героя совершенно другого произведения. Этот герой – Григорий Александрович Печорин. Имеется в виду его смех после смерти Бэлы: «...он поднял голову и засмеялся...У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошел заказывать гроб» [Лермонтов: 34]. В этой ситуации смех Рогожина и Печорина, в каком-то роде, схож. Оба эти смеха, так или иначе, связывает смерть. У обоих он ненормальный, неуместный, и этот смех, в каком-то смысле, проявляется от осознания героев, что они убийцы.

Перейдя к Аглае, можно лишь сказать, что её смех довольно странен. То она смеется «...таким веселым и неудержимым хохотом, таким смешным и насмешливым хохотом...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 284], то «...самым сумасшедшим, почти истерическим хохотом...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 427]. И что интересно заметить, Настасья Филипповна никогда не смеялась над князем Мышкиным: «– А над вами (Настасья Филипповна) никогда не смеялась? – Нет. Она смеялась со злобы» [Достоевский 1972–1990: VIII, 362], а Аглая же, совершенно наоборот, смеялась постоянно: «Я вижу, что Аглая Ивановна надо мной смеялась, – грустно ответил князь» [Достоевский 1972–1990: VIII, 427].

Наконец, затронем смех князя Мышкина. Еще в самом начале, а точнее в первой главе, смех Мышкина «чист», это добрый и веселый смех: «– А все-таки вам в приемную бы пожаловать, – заметил он по возможности настойчивее. – Да вот сидел бы там, так вам бы всего и не объяснил, – весело засмеялся князь» [Достоевский 1972–1990: VIII, 18]. И самый первый ис-

теричный смех у князя Мышкина появляется после разговора с Рогожиным, у него дома: «Вот и этот предмет в шестьдесят копеек; “конечно, в шестьдесят копеек, не стоит больше!” – подтвердил он теперь и засмеялся. Но он засмеялся истерически; ему стало очень тяжело» [Достоевский 1972–1990: VIII, 187]. И, как говорится, «чем дальше тем больше»: «...он (Келлер) и князь хохотали, наконец как сумасшедшие» [Достоевский 1972–1990: VIII, 257], «– Так и вы тоже про дуэль! – захохотал вдруг князь к чрезвычайному удивлению Келлера. Он хохотал ужасно» [Достоевский 1972–1990: VIII, 299]. Можно предположить, что так на князя повлияло это общество, постоянно окружающее его.

Интересно, что над князем Мышкиным почти всегда насмеваются: «Я, впрочем, готов перескочить через некоторые приличия, и пусть даже смеются надо мной, только бы войти как-нибудь» [Достоевский 1972–1990: VIII, 107], «...но я знаю (я ведь наверно знаю), что после двадцати лет болезни непременно должно было что-нибудь да остаться, так что нельзя не смеяться надо мной... иногда... ведь так?» [Достоевский 1972–1990: VIII, 283]. В этом плане можно сопоставить Князя Мышкина с Иисусом Христом, ведь над Ним так же смеялись: «и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» [Мф.27, 29]. Но сразу же можно провести противопоставление между Мышкиным и Христом, так как по преданию Иисус Христос никогда не смеялся, Мышкин же совершенно наоборот – смеялся часто и даже «ужасно».

Еще один интересный персонаж, привлекающий наше внимание, – это Тоцкий, герой, который в романе не смеялся вообще и даже не усмехался (по крайней мере, это не затрагивается). Единственное упоминание в романе, в котором подразумевается смех («Дарья Алексеевна, видишь ты вот этого букетника, вот этого monsieur aux camélias, вот он сидит да смеется на нас... – Я не смеюсь, Настасья Филипповна, я только с величайшим вниманием слушаю, – с достоинством отпаривал Тоцкий» [Достоевский 1972–1990: VIII, 137]), в итоге оказывается без смеха. Отчего же он не смеялся? Вряд ли от блаженства. Можно лишь предположить, что причиной этому была его высокомерность, сдержанность (ведь все-таки это неприлично) и то, как нам описывает его Достоевский: «Афанасий Иванович никогда не скрывал, что он был несколько трусоват или, лучше сказать, в высшей степени консервативен» [Достоевский 1972–1990: VIII, 38].

Так же в романе присутствует еще один несмеющийся персонаж – это Нина Александровна. Так нам характеризует её Ф.М. Достоевский: «Нина Александровна Иволгина, мать Гаврилы Ардалионовича, превосходная и в высшей

степени уважаемая женщина» [Достоевский 1972–1990: VIII, 42], и про Тоцкого можно сказать, что он в высшей степени уважаемый мужчина, но, конечно же, два эти человека совершенно разные. Если Тоцкий не смеется по своей трусости, то Нине Александровне же просто нечему смеяться. Она в первую очередь мать, и она, конечно же, переживает за своих детей, во вторую очередь она жена, а муж её в нелегком положении.

В противопоставление несмеющимся Тоцкому и Нине Александровне можно поставить персонажей, смеющихся в романе больше всех это – Настасья Филипповна и князь Мышкин. В общей сложности их смех упоминается около 100 раз. Но что интересно, князь Мышкин в присутствии Настасьи Филипповны никогда не смеялся (по крайней мере, этого не упоминается). Если только в конце: «...она (Настасья Филипповна – М.А.) при свиданиях с ним употребляла все усилия, чтобы развеселить его, боялась ужасно его грустного вида: пробовала даже петь ему; всего же чаще рассказывала ему всё, что могла запомнить смешного. Князь всегда почти делал вид, что очень смеется, а иногда и в самом деле смеялся блестящему уму и светлому чувству, с которым она иногда рассказывала, когда увлекалась...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 489].

Следует также обратить внимание на присутствие комичных моментов в романе. Например, момент с ногой Лебедева: «...и если он вдруг, в глаза, имеет дерзость уверять, что в двенадцатом году, еще ребенком, в детстве, он лишился левой своей ноги и похоронил ее на Ваганьковском кладбище, в Москве, то уж это заходит за пределы, являет неуважение, показывает наглость...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 411]. И такой действительно забавный случай в итоге оборачивается смертью генерала Иволгина. Но и тут же можно найти противопоставление. Возьмем, к примеру, рассказ Евгения Павловича об убийстве шести человек: «Недавно все говорили и писали об этом ужасном убийстве шести человек этим <...> молодым человеком и о странной речи защитника, где говорится, что при бедном состоянии преступника ему *естественно* должно было прийти в голову убить этих шесть человек» [Достоевский 1972–1990: VIII, 279]. И что же в итоге, после обращения Евгения Павловича к князю Мышкину: «Все захохотали» [Там же]. И получается все совершенно наоборот: такая ужасная вещь, как убийство, заканчивается смехом. Также к этому можно отнести рассказ Лебедева о шестидесяти монахах: «Один из таких тунеядцев <...> умертвил и съел лично и в глубочайшем секрете шестьдесят монахов и несколько светских младенцев, – штук шесть, но не более» [Достоевский 1972–1990: VIII, 312]. И опять же, после такой, все-таки в какой-то степени ужасающей истории, следует смех: «– Да разве можно съесть шестьдесят монахов? – смеялись кругом» [Достоевский 1972–

1990: VIII, 313]. Вспомним, наконец, момент с недостоверной статьей о князе Мышкине и слова Келлера: «...и, наконец, тут слог, тут, так сказать юмористическая задача...» [Достоевский 1972–1990: VIII, 225]. Статья, конечно же, совсем не юмористическая, по крайней мере для князя Мышкина и Епанчиных определенно.

Выходит, что всё смешное – не смешно, а всё ужасное – смешно. И что же еще можно сказать о таком мире? Федор Михайлович Достоевский, возможно, хотел показать этим смехом, этим хохотом ужасное состояние общества и духовную бедность этого мира. Даже князя Мышкина, подобного Иисусу Христу, этот мир пытался превратить в свое подобие, но таким как они, он не стал и не станет никогда.

В романе еще присутствует такое явление, как детский смех: «У вас, право, еще детский смех есть. Давеча вы вошли мириться и говорите: “Хотите, я вам руку поцелую”, – это точно как дети бы мирились» (князь Мышкин о Ганечке) [Достоевский 1972–1990: VIII, 104]. «А какое симпатичное, какое милое лицо у старшей дочери Лебедева, вот у той, которая стояла с ребенком, какое невинное, какое почти детское выражение и какой почти детский смех!» [Достоевский 1972–1990: VIII, 190]. «Аглая вдруг прыснула со смеху, совсем как ребенок» [Достоевский 1972–1990: VIII, 360]. И это показатель того, что еще не всё потеряно. Ведь «через детей душа лечится...»

Список литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 2004. 1376 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1959–1962. Т. 4. 828 с.
4. Сокровищница духовной мудрости: Смех. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/prochee/sokrovishnitsa-duhovnoj-mudrosti/305>

References

1. Bibliia: Knigi Sviashchennogo Pisaniiia Vekhogo i Novogo Zaveta [The Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow, Izdanie Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2004. 1376 p. (In Russ.)
2. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. [Complete Works in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
3. Lermontov M. Iu. Sbranie sochinenii v chetyrekh tomakh [Works in 4 vols.]. Moskva – Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1959–1962. Vol. 4. 828 p. (In Russ.)
4. Sokrovishchnitsa dukhovnoi mudrosti: Smekh [Treasury of Spiritual Wisdom: Laughter]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/prochee/sokrovishnitsa-duhovnoj-mudrosti/305>